

Социально-психологическая детерминация общественной активности россиян

Купрейченко А.Б., профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва

В данной научной работе использованы результаты проекта «Мониторинг состояния гражданского общества», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

Массовые опросы россиян показывают, что, по мнению 65% респондентов, сегодня в нашей стране трудно быть общественно активным человеком (Мерсиянова, Якобсон, 2007). В этой связи высокую научную и практическую значимость приобретает анализ социально-психологической и экономико-психологической детерминации общественной (социальной) активности россиян.

Этой проблеме была посвящена секция «Социальная активность и ее индивидуальные проявления» на недавней всероссийской научной конференции (Психология индивидуальности..., 2012). В ряду других вопросов обсуждалось понимание социальной активности и ее различных видов. Придерживаясь общепризнанного понимания активной роли субъекта во взаимодействии с социумом, социальную активность мы определяем как индивидуальные или групповые действия, направленные на изменения Я-социального, своего места в обществе (социуме), а также общества (социума) в целом (Купрейченко, Моисеев, 2010). В такое широкое понимание активности (по сути – как активного образа жизни) вписы-

вается практически любое взаимодействие с социумом, включая общение и проведение досуга, интерес к культурным событиям, следование моде, демонстративное потребление и т.д. В ряде работ социальная активность определяется интегративное качество, свойство личности (Бехтерев, Карпенко).

Более узкое понимание социальной активности определяет ее как сверхнормативную, инициативную, творческую деятельность, самодеятельность (Андромонова, Ануфриев, Арефьева, Бухалов, Якуба, Мордкович, Шендрик). Во многих работах социальная активность понимается как общественная деятельность (Косарев, Мальковская, Петров). В современных исследованиях нередко социальная активность выступает синонимом гражданской, а также общественной активности, и в этом случае она определяется как вовлеченность личности в социальные практики гражданского общества: добровольчество, денежные пожертвования, практики самоорганизации по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству, собрания жильцов дома или подъезда), а также выражение своего мнения через Интернет (Давыдов, Якобсон, Мерсиянова). В рамках работы школы Л.И. Уманского (Уманский, Ерастов, Сапоровский, Спириц, Френкель, Чернышев) было сформировано социально-психологическое направление изучения социальной активности, которое ныне продолжает развиваться под руководством А.С. Чернышева. В рамках этого направления социальная активность изучается в тесной связи с лидерскими качествами. Близкая проблематика представлена в исследовании Е.С. Соколовой.

Анализируя готовность к общественной активности, под которой мы понимаем сверхнормативную, инициативную социальную активность, направленную на достижение общественно значимых целей, отметим, что спектр факторов, определяющих эту готовность и выбор ее форм у различных групп населения - довольно широк. В их ряду: экономические факторы (уровень ВВП на душу населения; стратификация населения по уровню дохода и видам трудовой занятости; динамика экономического развития и т.д.); социальные и правовые факторы (степень развития социальных институтов, регулирующих общественную активность (включая СМИ), законодательное регулирование тех или иных ее форм; принадлежность к определенной социально-демографической группе и т.д.); этно-культурные и религиозные факторы (менталитет различных сообществ, включая социальное доверие, а также укорененность в их правилах и традициях некоторых форм общественной активности и т.д.) и, разумеется, психологические факторы. В ряду стимуляторов общественной активности, но также и ее барьеров важную роль играют психологические характеристики разного уровня. Готовность к ней снижают мизантропия, эгоизм, опасения неодобрительного отношения к общественно активным людям со стороны окружающих, недостаточная осведомленность о возможных формах этой активности, низкое социальное доверие, представление о негативном отношении окружающих к социально активным людям, и т.д. Повышают эту готовность базовое доверие, нравственность, альтруизм, оптимизм, гуманистическая и миросообразительная ориентация личности, выраженная гражданская позиция. Существенную роль играют и экономико-психологические факторы, например, субъективное экономическое благополучие и т.д.

Значимость экономических, социальных, этно-культурных, психологических и иных факторов не является постоянной, а зависит от ряда условий. Так, например, существуют некоторые формы общественной активности, в которых роль психологических факторов минимальна. Это – корпоративная благотворительность (которая в большей степени определяется организационной культурой и управленческим воздействием), а также ритуализированные в культуре формы активности (например, традиционная помощь нуждающимся во время религиозных праздников и т.д.). Можно также сказать, что влияние экономических факторов (например, уровня дохода человека) максимально в зонах наименьших и наибольших значений. Действительно, сложно ожидать помощи нуждающимся от человека, который сам находится на грани выживания. Также можно предположить, что объем пожертвований и другой помощи обществу в рамках специальных программ социально-ответственного бизнеса будет выше у наиболее обеспеченного класса и в высокодоходных отраслях. Позитивным примером выступает крупнейший в мире благотворительный фонд Билла и Мелинды Гейтс – «Bill & Melinda Gates Foundation». Разумеется, все мы знаем и противоположные примеры служения обществу малообеспеченных людей и скупости богатей, но они скорее являются исключением, подтверждающим правило.

Для нас же концептуально важным является положение о том, что психологические факторы готовности к общественной активности опосредствуют, «преломляют» воздействие других: экономических, социальных, организационных и т.д. поскольку включенность в эту активность по большей части (за исключением рассмотренных выше случаев) является добровольной.

Упомянутый выше субъективный социально-экономический статус является одним из таких примеров «преломления» экономических и социальных факторов психологическими. В этой связи представляют интерес результаты исследований готовности к общественной активности и ее детерминации у представителей социальной группы, которая традиционно рассматривается в качестве основы стабильности и развития общества. Речь идет о среднем классе и его отдельных подгруппах. Кроме того, в силу высказанных выше замечаний о решающей роли экономических факторов в зонах низких и высо-

ких значений экономического уровня, можно предположить, что для среднего класса в силу его среднего положения влияние факторов различной природы на готовность к общественной активности будет примерно равным.

Теоретико-эмпирический анализ показывает, что средний класс, как особая социальная группа отличается специфическим образом жизни, системой ценностей и ролью в обществе (Андреев, Бавин, Горюнова, Дилигенский, Заславская, Громова, Попова, Седова, Тихонова, Хахулина, и др.). Ранее нами уже было показано (Купрейченко, Моисеев, 2008, 2011), что особая социальная позиция среднего класса выражается в позитивном отношении к социальной (общественной) активности. В ходе серии эмпирических исследований авторских (Купрейченко, Моисеев, 2008, 2011), а также выполненных в Центре исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в ходе массового опроса населения по общественной активности были выявлены особенности общественной (социальной) активности различных подгрупп и психологических типов представителей среднего класса.

Согласно результатам массового опроса населения установлено, что к «нижнему» среднему классу относят себя 36% респондентов, к «среднему» среднему классу – 56%, «высшему» среднему классу – 4%. В последней подгруппе отмечено некоторое преобладание мужчин, больше молодежи 18-30 лет и меньше людей старше 46 лет. В то же время, по сравнению с другими, в подгруппе «среднего» среднего класса – несколько меньше людей со средним и больше – с высшим образованием. Чем выше статус тем, чаще респонденты пользуются интернетом – практически каждый день это делают 25% представителей «нижней», 40% «средней» и 53% «высшей» подгруппы среднего класса.

Как показали результаты, социально-экономический статус (причисление себя к «нижнему», «среднему» или «верхнему» среднему классу) представителей среднего класса в большей степени определяется социально-психологическими факторами, например, социальным сравнением и гражданской позицией, нежели объективным уровнем благосостояния. Для «нижнего» среднего класса менее значимы права и свободы граждан, включая право на труд, образование, и хорошо оплачиваемую работу по специальности, но более значимо право на социальное обеспечение в старости и бесплатную медицинскую помощь. При этом «верхний» средний класс считает, что сегодня права и свободы соблюдаются в стране лучше, чем 2-3 года назад (8%, 15%, 21%). Он также считает, что наука, культура, здравоохранение и социальное обеспечение в нашей стране находятся в лучшем состоянии, чем думают «нижний» и «средний» и реже считают, что в России неизбежны острые социальные конфликты. Он чаще испытывает гордость за свою страну и ожидает улучшения жизни в стране, реже испытывает обиду за страну и ожидает ухудшения жизни в ней. «Верхний» средний класс более счастлив и удовлетворен большинством сфер своей жизни.

В целом с переходом на более высокую степень субъективного экономического статуса у представителей среднего класса возрастает процент тех, кто:

- считает что среди окружающих его людей больше сплоченности (50% - нижняя подгруппа, 62% - средняя, 5% - высшая),
- относит себя к людям, способным объединяться с другими ради совместных целей (56, 68, 75),
- в течение последнего года организовывал коллектив для решения своей или чужой проблемы (4, 6, 10),
- считает, что сейчас среди окружающих его людей готовность помогать друг другу встречается часто (34, 33, 44).
- считает, что сегодня в России права граждан на создание самостоятельных обществ, союзов, объединений, представляющих и отстаивающих права и интересы граждан, реализуются удовлетворительно (28, 34, 39),
- в целом удовлетворительно оценивают сегодня вклад общественных, негосударственных некоммерческих организаций в решение социальных проблем в нашей стране (34, 46, 49),
- чаще доверяю всем общественным, некоммерческим организациям и инициативам (8, 8, 14),
- считают, что общественные, некоммерческие организации и инициативы должны помогать властям в их планах и начинаниях (12, 15, 28),
- считают, что власти должны создавать благоприятные условия для деятельности всех без исключения общественных, некоммерческих организаций и инициатив (18, 24, 31)
- считают, что сейчас государство занимает правильную позицию в отношении общественных, некоммерческих организаций и инициатив (20, 23, 36).

Кроме того, представители «верхнего» среднего класса реже не знают и не слышали ни о каких общественных, некоммерческих организациях и инициативах в нашем городе (селе, поселке) (22, 18, 13).

«Средний» средний класс опережает другие подгруппы по частоте ответа – в течение последнего года участвовал(-а) в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города (села, поселка) (24, 29, 25).

Имеются некоторые различия в уровне доверия различным общественным организациям и представлениях о их роли в обществе. Например, «верхний» средний класс чаще доверяет садовым товариществам и правозащитным организациям, а «средний» - ветеранским объединениям и обществам защиты прав потребителей. Важно, однако, что по большинству показателей участия в общественной активности не выявлено значимых различий между подгруппами среднего класса.

Полученные данные демонстрируют различия в мировоззрении, образе жизни и гражданской позиции различных подгрупп среднего класса. Эти результаты могут быть более глубоко проинтерпретированы и дополнены данными психологического исследования. В исследовании А.Б. Купрейченко и А.С. Моисеева (2008, 2011) было установлено, что причисление себя к одной из трех подгрупп среднего класса (нижней, средней или верхней) связано с различиями по многим переменным социального самоопределения, в том числе и готовностью к социальной активности. Считают себя социально активными примерно половина представителей подгрупп «нижнего» и «среднего» среднего класса. В подгруппе представителей «верхнего» среднего класса 76% считают себя социально активными, а 24% - так не считают. Выявленные различия демонстрируют особенности социальной позиции представителей отдельных подгрупп среднего класса, их основные жизненные ориентиры и направления настоящей и будущей социальной активности. В целом, с ростом субъективного социального статуса у представителей среднего класса мотивация и направленность социальной активности трансформируется от личной (сфера семьи) к общественной (работа, общество в целом). Социальное самоопределение «верхнего» среднего класса можно охарактеризовать как позитивное, оптимистичное, ориентированное и на самореализацию и развитие, и на благополучие страны. Их социальная активность направлена достижение общественно-значимых целей.

Литература

Купрейченко А.Б. Проблема определения и оценки социальной активности // Психология индивидуальности: материалы IV Всероссийской научной конференции, г. Москва, 22–24 ноября 2012 г. / отв. ред. А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики»; Росс. гуманит. науч. фонд. – М.: Логос, 2012. С.181-182.

Купрейченко А.Б., Моисеев А.С. Признаки группового субъекта у современного российского среднего класса: постановка проблемы // Личность и бытие: субъектный подход / Материалы научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.

Психология индивидуальности: материалы IV Всероссийской научной конференции, г. Москва, 22–24 ноября 2012 г. / отв. ред. А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики»; Росс. гуманит. науч. фонд. – М.: Логос, 2012. – 354 с.

О подготовленности педагога к оценке личностных результатов учащихся в соответствии с требованиями ФГОС начального общего образования

Куприянова В.Н.,

Государственное образовательное учреждение средняя образовательная школа № 393,
г. Москва

Введение в 2009 году в действие нового Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования связано с выдвиганием новых требований к компетенции педагога начальной школы. Поставлены новые профессиональные задачи. Одной из них является комплексный подход к оценке предметных, мета- предметных и личностных результатов освоения основной образовательной программы начального общего образования. Для решения этих задач педагог должен обладать специальными педагогическими и психологическими знаниями. Прежде всего учитель должен в совершенстве владеть технологиями деятельностного обучения, методами оценки результатов образования.

В соответствии с требованиями ФГОС ответственность за формирование у ученика личностных компетенций, связанных с результатами освоения учебной программы, возлагается на учителя. По сути нововведением для начального образования является диагностика результатов личностного развития учащегося. Это предъявляет высокие требования к психологической подготовке учителя. Чтобы уметь оценивать результаты личностного развития учащихся, учитель прежде всего должен сам обладать глубокими специальными знаниями из различных сфер психологии – педагогической, возрастной, социальной, клинической. Педагог должен уметь эффективно взаимодействовать с детьми разного психологического типа, владеть методами психодиагностики личности учащегося [1,3]. Кроме того, педагог должен иметь навыки и высокую готовность к взаимодействию с другими участниками образовательно-